

[Одаренный: обладающий исключительным талантом или природными способностями].

Арис послушно заполнял пробелы, пока Мизуки-сенсей рассказывал об основании Конохи. Он был одним из немногих - кроме Учихи и девушки по имени Тентен, никто больше не обращал на него внимания. Напротив него Неджи делал скучающий вид. Хотя при упоминании дзюцу или техник чакры Хьюга сразу же становился серьезным и заявлял, что гражданские темы не стоят его времени.

Через некоторое время Арис вздохнул, убрал с глаз пряди грязных светлых волос и отложил ручку. У него болело запястье. Он посмотрел на Даичи, который с помощью одного из карандашей изображал усы. Его взгляд переместился на следующее место в ряду, которое было пустым. «Привет, Даичи-кун».

«Что?»

«Ты не волнуешься за Аои-тян?»

Даичи перевел на него взгляд своих карих глаз, и его карандаш упал. «Нет. Она, наверное, просто спит где-то».

«Но, - запротестовал Арис, - уже неделя прошла. И в приюте мы ее тоже не видели».

Другой мальчик пожал плечами. «Какая разница? Она скучная».

«Но она наш друг». Он нахмурился. «Я думаю».

Даичи снова попробовал трюк с усами, на этот раз с двумя карандашами. Он также провел руками по волосам, пытаясь заставить их почему-то встать дыбом. «Отлично. Мы можем спросить Мизуки-сенсея после урока».

Через несколько сидений от него Ли, подслушавший разговор, громко заявил: «Я тоже беспокоюсь о своем партнере по задержанию! Я пойду с вами!»

В передней части класса что-то щелкнуло, и все повернули головы в его сторону. Мизуки держал в руках половину куска мела, другая половина упала на пол. «Ли, задержание», - выдавил он из себя, стиснув челюсти, с пульсирующей на лбу веной. Спереди донеслось обычное для Неджи: «Неудачник».

Запрос о местонахождении Аои Момору лежал перед ним нетронутым.

В своей жизни Хирузен совершил много поступков, которыми не гордился. Он убивал людей, которые заслуживали жизни, и давал сбежать тем, кто заслуживал смерти. Кто должен был

умереть, чтобы мир стал лучше.

Он знал, что Орочимару не был образцовым ниндзя, каким его рисовали, знал об извращенных мотивах и опасных одержимостях этого человека, но убеждал себя, что его достижения и таланты перевешивают недостатки. Даже когда стало ясно, что Орочимару гораздо чудовищнее, чем он предполагал, что он настолько погрузился во тьму, что его уже не спасти, Хирузен не смог положить этому конец. Он позволил ему сбежать, без сомнения, обрекая сотни невинных людей на боль и страдания, потому что не смог остановить своего ученика. Его собственного ученика.

Хаширама-сенсей говорил, что любовь - это не слабость. Как бы Хирузену ни хотелось верить, что любовь к деревне и всем, кто в ней живет, - его главная сила, он не мог отрицать, что в случае с Орочимару она помешала ему сделать то, что должно было быть сделано. Он осознавал это. Орочимару должен был умереть, а Хирузен не смог его убить, потому что... Он затаился трубкой.

Именно поэтому существовали такие люди, как Данзо. Данзо делал то, чего не позволяло ему неуместное сострадание Хирузена. Это была мучительная и ненавистная роль, без славы, без признания, но необходимая. Если бы не существовал Данзо, безжалостно принимающий тяжелые решения, Конохагакуре давно бы канула в Лету.

Данзо любил деревню больше, чем сам Хокаге, и поэтому порой был способен причинить ей боль, чтобы защитить. Именно поэтому Хирузен, когда боялся, что чувства затуманят его рассудок, верил, что Данзо поступит правильно, каким бы жестоким это ни казалось. Ради блага деревни.

Когда он смотрел в глаза этого ребенка, умного и знающего гораздо больше своих лет, он не мог не видеть Орочимару снова, и разбитые и изломанные тела, висящие на стенах той лаборатории. Все они были мертвы, как он понял с первого взгляда. Сколько их? Десятки? Сотня? Сотня тел его людей лежала на его груди и на его совести, как гора. Сотня, за которую он не смог отомстить.

Хирузен понимал, что эмоционально ущемлен во всем, что связано с его учеником, в том числе и в отношении дочери ученика.

Он мало знал о методах Данзо, но шиноби, которых тот выпускал, были компетентными и преданными. Он убедил себя в том, что это было правильное решение - оставить все на его усмотрение. Академия не сработала, а Хирузену не нужен был еще один Орочимару.

Он вздохнул и записал какую-то ерунду о том, что ее удочерила семья, живущая в Отафуку-гае.

В тот день Кабуто сломал Аой запястье и отказался его лечить, хотя она была предельно вежлива и выполнила порученное ей задание без лишних протестов (как-никак, в первый раз она сломала запястье, а второй раз - кучу доспехов, которые нужно было чистить). Она вправила его с помощью двух затупившихся кунаев и полосок старой рубашки, намотанных на

бинты, но все равно было жутко больно.

К черту его. К черту всех этих психов из РООТ. К черту ниндзя.

Ее тело стало заметно тоньше, чем когда она только пришла, и покрылось синяками, но голодные муки, головокружение и иногда боль, когда она нажимала на синяк, были ничтожны по сравнению с острой пульсацией в левом запястье.

Сейчас она отчаянно листала книгу под названием «Обезболивающие средства», решительно стискивая зубы в надежде найти способ заглушить боль и поспать несколько часов, прежде чем больной снова придет за ней. К сожалению, книга была скорее травником, чем настоящим пособием для медиков, а Аой все еще была заперта под землей и не имела в своем распоряжении никаких трав.

На последней странице книги было написано: «Эти средства эффективны лишь частично, и, если есть опытный мед-нин, лучше обезболить место ранения чакрой».

Это был единственный намек на то, что в медицинском ниндзюцу есть техники, позволяющие добиться эффекта, схожего с анестезией. О прямом исцелении запястья не могло быть и речи - до сих пор Аой удавалось лишь закрывать крошечные царапины, да и то после них оставался бледный шрам, которого не было бы, если бы рана зажила естественным путем.

Но просто онемение... Онемение должно быть проще. Это не потребует от нее никакого искусства или контроля, все, что ей нужно будет сделать, - это потрясти нейроны, чтобы они перестали передавать сигнал в мозг. Однако ей не хотелось пробовать, ведь если она сделает что-то не так, то может навсегда лишиться подвижности руки. Нервы были очень чувствительны.

<http://tl.rulate.ru/book/106020/4032051>